

Тысячи лет человечество отчаянно боролось за право царствовать на Земле. Тысячи лет воины и герои, инквизиторы и жрецы огнём и мечом истребляли нелюдей, стирая даже память об их существовании. Ведьмы, оборотни, гномы... Наши предки преследовали их и беспощадно уничтожали, считая, что на Земле есть место только человеку. Казалось, они одержали победу...

Шли годы, и постепенно люди забыли об осторожности. Всё богатство мира оказалось в их руках, и соблазны поглотили мрачных инквизиторов. Воины вернулись к сохе, герои надели шлёпанцы и заняли места у каминов. Нудные рассказы обрастали всё более красочными подробностями, превращая реальные события в мифы и сказки. Память о славных победах умерла с последним героем.

Но история ещё не знала окончательных побед...

ПРОЛОГ

— Почему ты волнуешься? — резко обернулся мальчик. Врасплох он её не застал.

— Я? — женщина удивлённо изогнула тонкую чёрную бровь. Мальчик смутился:

— Я чувствую. Ты же знаешь, я отчётливо чувствую ауру. Ты сильно беспокоишься.

Женщина едва заметно улыбнулась. Совсем чуть-чуть, уголками губ, буквально заставив его искать улыбку на своём красивом, тонком лице.

— В тебе заложена огромная сила, Любомир, от тебя ничего не скроешь. Это пригодится будущему правителю Великого Дома. Где моя шкатулка?

Изящная золотая коробочка, хранившая только самые любимые драгоценности, стояла на маленьком столике справа от кресла, в котором расположилась женщина. Надо было лишь протянуть руку.

Мальчик быстро обошёл кресло, взял шкатулку и откинул крышку. На вид ему было лет тринадцать. Светловолосый, невзрачный, худенький, слишком щуплый по меркам Зелёного Дома, он выглядел бы даже смешно, если бы не глаза. Огромные, ярко-зелёные глаза Любомира приковывали к себе, гипнотизировали, они отражали невероятную силу, заложенную в его сердце. Силу дикой, первозданной магии, силу, которой позавидовал бы любой маг Тайного Города.

— Будь добр, поддержи шкатулку.

На этот раз женщина одарила мальчика самой настоящей улыбкой. Полные, чётко очерченные губы разошлись, обнажив ровный ряд мелких белых зубов, на щеках заиграли маленькие

озорные ямочки, а в ярко-зелёных глазах на мгновение запылали ослепительные и немного безумные огоньки. Любомир пошатнулся: её улыбка действовала не хуже наркотика, заставляя забывать обо всём на свете и ждать, ждать, ждать, когда же снова в глазах женщины проколызнёт этот чудный, пьянящий огонёк. Он сделал крохотный, совсем незаметный шагок, и теперь их разделяли какие-то пять-шесть дюймов. Пока непреодолимое препятствие.

— Надо подобрать что-нибудь не очень броское, — задумчиво протянула женщина, разглядывая свою богатую коллекцию.

Любомир не сводил глаз с её загорелых плеч, стройной шеи и густой копны светлых, почти белых волос, уложенных в замысловатую причёску. Не в силах побороть себя, он чуть склонился и уловил идущий от её волос тонкий запах жасмина.

— Не правда ли, оно прелесть? — Женщина нежно погладила только что надетое кольцо. — Ты не находишь?

Мальчик судорожно кивнул:

— Очень красивое.

Кольцо и впрямь было сделано со вкусом. Тонкая золотая полоска, покрытая причудливым орнаментом, замыкалась большим, необычной огранки изумрудом, способным, казалось, сверкать даже ночью, при свете звёзд. Его подарил Мечеслав, широкоплечий барон Мечеслав — повелитель домена Сокольники. Любомир видел, как женщина расцветает при появлении этого туповатого драчуна, и всякий раз бессильная ярость сводила ему скулы, заставляла сжиматься маленькие, хрупкие ладошки в такие же маленькие, хрупкие кулачки.

— Мне нравится, как он играет, — тихо произнесла женщина, задумчиво глядя на изумруд. — Чья душа живёт в нём?

— Героя или красавицы, — улыбнулся Любомир, — а может быть, ювелира.

Он ненавидел это кольцо.

Шкатулка вернулась на столик. Любомир сделал пару неуверенных шагов и остановился посреди комнаты.

— Ты не объяснила причин своего волнения.

Она уже достаточно изучила мальчика, чтобы понять, что свой вопрос он не забудет.

— Не сочти за преувеличение, Любомир, но сегодня у нашего народа великий день, который мы ждали очень долго. Некоторые даже перестали верить, что пророчество сбудется и ты, Вестник, придёшь. Что у нас снова появится надежда. — Она медленно окинула ласковым взглядом хрупкую фигуру мальчи-

ка. — Сегодня один из самых главных дней в моей жизни, мне предстоит донести до народа Зелёного Дома великую новость. Неужели ты думаешь, что я могу быть спокойной?

— Однако большая часть народа останется в неведении относительно моего появления, — Любомир снова резко обернулся.

— И продолжит оставаться, — подчеркнула женщина.

«Не слишком ли ты умён, щенок, для своих тринадцати лет?»

— Мы обязаны хранить тайну.

— Почему?

— У нас слишком много врагов, — женщина перевела взгляд на своё отражение в зеркале. Кажется, всё в порядке, хотя... Она чуть вскинула голову и осторожно поправила ногтем выбившийся волосок. — Неужели Ярослава не говорила тебе?

— Нет.

— Странно, обычно она весьма разговорчива.

— Я многим обязан жрице Ярославе, — насупился Любомир. — Она была со мной практически с самого рождения и...

— Да, я помню.

«Как эта проныра вообще узнала о твоём рождении? Проклятая интриганка».

— Ярослава сказала, что я должен быть представлен народу, но ты настаиваешь на том, чтобы о приходе Вестника узнал лишь королевский совет.

— У меня имеются основания для этого.

— Я хотел бы их знать.

«Не иначе, Ярослава нашептала. Она не успокоится, пока не сместит меня с трона».

— Бароны Зелёного Дома обязаны знать, что предсказание сбылось и Вестник пришёл. — Женщина рассеянно взяла со столика пуховку, но почти сразу же отложила её. Макияж был нанесён идеально. — Баронов всего восемь, и мы можем положиться на них. Если же о твоём приходе узнает весь народ, то по Тайному Городу неизбежно поползут слухи. Через два, максимум три дня аналитики Великих Домов просчитают твоё появление и объявят охоту. А возможно, даже развяжут войну.

Несколько секунд Любомир молчал, стоя посреди комнаты и глядя куда-то в потолок. Всё это время женщина не сводила глаз с его отражения в зеркале.

— Какое им дело до меня? — спросил наконец мальчик. — Я не хочу войны.

— К сожалению, твоё появление — уже достаточный повод для её начала. Великие Дома не будут ждать, пока ты выра-

тешь, научишься управлять своей силой и уничтожишь их. Они постараются успеть первыми. Ты на их месте поступил бы точно так же.

Любомир вздрогнул:

— Я не на их месте.

— Это не важно. Тысячелетия преследований отточили в нас инстинкт самосохранения, мы чувствуем угрозу лучше всех в этом мире. Тебе предсказано возродить нашу империю. Зелёный Дом воспрянет, и танцующий журавль утвердится в каждом уголке Земли. Для остальных Великих Домов это означает смерть.

— Я несу войну, — тихо произнёс мальчик. — Я несу смерть Великим Домам.

До сих пор он редко задумывался о своём предназначении, и жёсткие слова женщины выбили его из колеи. Сердце Вестника забилося сильнее.

— Тебе суждено возглавить поход, — она снова улыбнулась. Весело, по-настоящему. — У тебя великое будущее, Любомир, великое предназначение.

— Выходит, у них есть повод для того, чтобы убить меня.

— Для убийства всегда найдётся повод, — отчеканила женщина. — Но не волнуйся. Великий Дом Людь умеет хранить свои тайны, а в крайнем случае мы защитим тебя, пока ты не окрепнешь.

— Я — Вестник, — твёрдо произнёс мальчик.

Его сердце успокоилось и теперь стучало редкими, тяжёлыми ударами.

«Вестник!»

Прекрасные глаза женщины яростно вспыхнули. Впервые за десять тысяч лет среди людов родился мужчина, обладающий магическими способностями, и надо же — именно сейчас. Она ещё так молода, полна сил, у неё было столько планов, столько идей...

— У меня есть подарок для тебя, Любомир, — женщина поднялась и позвонила в маленький золотой колокольчик.

Она легко взяла себя в руки. Поняв ещё при самой первой встрече, что зверёныш способен почувствовать малейшие перепады настроения, она стала очень осторожной.

На подносе, который держала появившаяся фрейлина, лежал тонкий золотой обруч, украшенный крупным изумрудом.

— Это твоя первая корона, мой маленький принц.

Женщина сама надела украшение на склонённую голову Лю-

бомира и нежно поцеловала его в лоб, аромат жасмина вновь окутал мальчика. Любомир был почти счастлив. Подозрения, которыми пропитала его жрица Ярослава, рассеялись.

— Сегодня ты впервые увидишь своих подданных, Вестник.

— Я их не разочарую.

— Ваше величество, — дверь приоткрылась, — пора.

Красавица Всеслава, королева Великого Дома Людь, верховная жрица Зелёного Дома и хранительница Колодца Дождей, в последний раз посмотрела на своё отражение и слегка кивнула мальчику:

— Нас ждут, Вестник.

Тронный зал Зелёного Дома блистал той бессмысленной, вычурной пышностью, которая всегда отличает торжественные, но никому не нужные мероприятия. Правда, почувствовать это мог только завсегдатай. А вот нечестный посетитель больших королевских приёмов или не искушённый в утончённом этикете простолюдин были бы потрясены великолепием убранства. Тёмно-зелёная мозаика пола плавно перетекала в мягкие оливковые тона обтянутых шёлком стен, прорезаемых яркими молниями устремлённых к высокому потолку малахитовых колонн. В специальных клумбах вдоль стен цвёл густой кустарник, создавая в зале неповторимый аромат упоительной свежести, а огромная люстра горного хрусталя при поддержке многочисленных бра заливала помещение ослепительно-ярким светом. Королевский трон, элегантный, украшенный крупными изумрудами, находился на невысоком подиуме, а прямо за ним, на большом щите, изящно раскинул крылья танцующий журавль — герб Великого Дома Людь.

Тронный зал производил впечатление, не мог не производить, но гости, съехавшиеся сегодня, были завсегдатаями королевских приёмов и, разумеется, отметили отсутствие той лёгкой атмосферы безудержного и беззаботного веселья, которая всегда отличала Зелёный Дом при королеве Всеславе. Пышность была подчеркнута будничной, торжественность — подчеркнута официальной, и даже лакейские улыбки — подчеркнута дежурными. Её величество в непринуждённой форме давала понять, что событие, ради которого её подданных собрали во дворце, — не праздник.

— А если не праздник, то ради чего весь этот сыр-бор? — тихонько проворчал себе под нос барон Светломир. — Текущие вопросы надо решать в рабочем порядке, клянусь бородой Спящего.

Барон давно разменял семнадцатый десяток, и диалоги с самим собой являлись для него скорее правилом, хотя, с другой стороны, никто не подвергал сомнению его колоссальный опыт и житейскую мудрость. Обычно в окружении Светломира присутствовал один из многочисленных внуков, который тактично прерывал повелителя Измайловского домена, не давая диалогу перерасти в спор или, что совсем недопустимо, в скандал. Но на этот раз в тронный зал допустили лишь избранных, и сподвижники Светломира, а также всех остальных приглашённых ожидали своих вождей в холле дворца.

Выпив бокал шампанского, Светломир почувствовал необходимость более живого общения. Он молодецкато подкрутил седые пушистые усы и обернулся к стоящему неподалёку барону Святополку:

— Круг приглашённых сегодня удивительно узок, сынок, ты не находишь?

Будучи моложе Светломира как минимум на полсотни лет, Святополк совсем не обиделся на столь фамильярное обращение:

— Если бы её величество ограничилась приглашением только баронов, нам пришлось бы долго искать друг друга в этом зале. Признаться, я никогда не думал, что он настолько велик.

Светломир недовольно покачал головой:

— Говори помедленнее, сынок, ты проглатываешь слова.

Признаваться в том, что он попросту не успевает за ходом мыслей молодого собеседника, повелитель Измайловского домена не собирался.

— Согласен с вами, барон, — чуть не по слогам произнёс Святополк. — Столь малочисленный приём не в стиле нашей королевы.

Молодой барон огляделся. Приглашённые неуютно чувствовали себя в обширном, рассчитанном на королевские приёмы зале. Не было пышных свит, заносчивых виконтов и жеманных дам. Не было привычной суеты и гомона, гордых взглядов и напыщенных речей. Лидеры Великого Дома Людь — восемь баронов и восемь жриц Зелёного Дома — рассеялись по великолепному залу и лишь изредка перебрасывались короткими фразами.

Святополк с неудовольствием посмотрел на простые, наглухо застёгнутые платья жриц и прикрыл глаза. Королевские приёмы — это всегда праздник. Дамы состязаются в пышности туалетов, бароны с важным видом потягивают винцо и косятся

на юных фей, которым строгие правила волшебниц Зелёного Дома ещё позволяют откровенные наряды. По общему мнению, Всеслава, даже став жрицей, осталась в душе озорной и раскрепощённой феей, что одни считали недостатком, зато многие другие — очень большим преимуществом. Феи на приёмах — в центре внимания. Вокруг них непременно ошивается дворянская молодёжь — виконты, воеводы и даже шумные рыцари Великого Дома Чудь. Из их компаний доносится громкий смех, в запасе всегда достаточно зубастых эпитграмм и двусмысленных шуток, а под занавес молодые лейтенанты-чуды обязательно договариваются о дуэлях с молодыми виконтами-людьми. Справа, у малахитовых колонн, обычно группируются выходцы из Тёмного Двора: степенные шасы в длинных тёмно-синих одеяниях — смуглые и носатые любители хороших коньяков; острые на язык эрлийцы — прирождённые врачи и большие обжоры; наконец, навы — высокие, худые, изучающие непроницаемо-чёрными глазами чуждую им пышность. Никто не знал, получают ли навы удовольствие от королевских приёмов, но являются они всегда вовремя, ни разу не оскорбив отказом честь Зелёного Дома, выстраиваются поближе к стене, и только Сантьяга с непринуждённостью авианосца курсирует по тронному залу, рассыпаясь в комплиментах и отведывая коллекционные вина. Странный всё-таки нав этот Сантьяга...

Святополк стряхнул с себя наваждение.

— Я слышал, Всеслава по каким-то причинам не хотела официально созывать большой королевский совет, — бурчал тем временем Светломир. Старик успел опрокинуть ещё один бокал шампанского и разругался. — Поэтому нам разослали именные приглашения на эту «аудиенцию». Что ты думаешь об этом, сынок?

— Она явно что-то скрывает.

— Королева Всеслава всегда что-нибудь скрывает, но на этот раз её скрытность во благо, — обронила прошествовавшая мимо Ярослава, одна из жриц Зелёного Дома.

Тон, которым было произнесено слово «королева», не оставлял сомнений в её отношении к повелительнице Великого Дома Людью.

Мужчины вежливо поклонились высокой жрице и переглянулись.

— Она явно в курсе, — заметил Святополк.

— Жрицы всегда в курсе, не то что мы, бароны, — вздохнул Светломир. — Они просто вытирают о нас ноги, клянусь

бородой Спящего. В своём домене я уже и чихнуть не могу, не спросив разрешения у этой... жрицы. Девчонка вздумала меня учить, клянусь бородой Спящего. Я собираю налоги, и я...

— Не думаю, что всё так плохо, уважаемый Светломир, — рассудительно ответил молодой барон. — В конце концов, мужчины нашей семьи не способны к магии.

— Магия, — хмыкнул старик. — Надо брать пример с челов: никакой магии! И неплохо живут, клянусь бородой Спящего. Если мужчины не способны к магии — значит, она не нужна!

— Разумеется, разумеется, — Святополк любовно потёр изумруд на баронской цепи и решил сменить тему. — Кстати, вы не обратили внимание на некоторую оппозиционность в голосе уважаемой жрицы Ярославы?

— Ты тоже заметил, сынок? — живо отозвался Светломир. — Я думаю, она до сих пор не может простить королеве выборы. Помнишь, Ярослава тоже претендовала на трон.

— Но ведь прошло уже два года.

— Какая разница, сынок? — Светломир многозначительно улыбнулся. — Ярослава уверена, что результаты выборов подтасованы, клянусь бородой Спящего.

— Сплетни, — со спокойной уверенностью заявил неожиданно подошедший барон Мечеслав. — Всеслава моложе и умнее Ярославы. Выбор жриц был абсолютно оправдан.

— Согласен, — закивал Светломир. — Глупый слух. Не знаю, почему я о нём вспомнил.

— Вряд ли подобные разговоры идут на пользу Зелёному Дому, — Мечеслав прищурился на стоящую неподалёку стайку жриц, среди которых выделялась длинная фигура Ярославы.

— Совершенно верно, — склонил голову Святополк.

Все знали об особых отношениях между её величеством и коренастым повелителем домена Сокольники, поэтому проявлять неуважение к королеве в присутствии Мечеслава было бы крайне неосмотрительно. Барон считался лучшим фехтовальщиком Великого Дома Людь.

— К сожалению, у королевы много завистниц, — подытожил Мечеслав.

— Издержки власти, — подтвердил Святополк. — Кстати, барон, вы случайно не знаете, ради чего мы собрались?

— Разумеется, знаю, — мгновенно нашёлся тот, уставившись на собеседника мутно-зелёными глазами. — Желая консолидировать нацию, её величество приняла решение об увеличении налогов на четверть, плюс поднимается стоимость

энергии Колодца Дождей. Сегодня об этом будет официально объявлено.

Лица баронов резко вытянулись.

— Вы серьёзно?

— Этого не может быть! Мы и так еле сводим концы с концами!

— Глядя на вас, такого не скажешь, друзья! — Довольный произведённым эффектом, Мечеслав едва сдерживал хохот. — Посмотрите на меня: вот уж кого заела нужда.

Бароны поджали губы. Домен Сокольники был самым богатым владением Зелёного Дома, однако его повелитель славился удивительной небрежностью в одежде. Вот и сейчас его костюм был изрядно помят, а из драгоценностей присутствовал лишь массивный золотой браслет на правом запястье. Даже баронской цепью Мечеслав пренебрёг.

— Шутки у вас... — недовольно проворчал Светломир.

Мечеслав молча похлопал его по плечу, но сказать ничего не успел: в залу вплыл напыщенный дворецкий.

Шум стих. Выдержав небольшую паузу, дворецкий важно оглядел присутствующих и громким, хорошо поставленным голосом провозгласил:

— Её величество королева Зелёного Дома Всеслава!

Против ожидания большинства присутствующих Всеслава появилась не из главных дверей, с тем чтобы важно прошествовать через весь зал в сопровождении многочисленных фрейлин и пажей, а вышла из маленькой, практически незаметной дверцы позади трона. Последовало секундное замешательство, и только после этого бароны, согласно этикету, склонились в глубоком поклоне.

— Благодарю, что вы откликнулись на мой зов.

Мановением руки Всеслава отпустила дворецкого и осталась со своими вассалами. Выпрямившись, бароны и жрицы округлили глаза: впервые со времени восшествия на престол королева выглядела так скромно, так похоже на жрицу. Простое тёмно-зелёное платье, подчёркивающее идеальную фигуру Всеславы и оставляющее открытыми хрупкие плечи, изумрудная диадема и только одно кольцо — это было ещё более необычным, чем странная «аудиенция». Охваченные смутными предчувствиями, присутствующие сгрудились вокруг трона.

— Мои верные подданные, — начала Всеслава, так и не заняв своё законное место, — новость, которую я хочу вам сообщить, достойна созыва большого королевского совета. Однако,